Любовница маркиза

Автор:
Маргарет Макфи

Любовница маркиза

Маргарет Макфи

Исторический роман – Harlequin #79

Понимая, что пришло время найти подходящую жену и произвести на свет наследника, маркиз Рэйзеби решил расстаться с любовницей – очаровательной актрисой Эллис Свитли. Но он ошибался, полагая, что сможет забыть ее. Каждый вечер она появляется на сцене Ковент-Гардена, завораживая Рэйзеби своей красотой и талантом. Никто не знает, как страдает Эллис, потеряв Рэйзеби, но не в ее силах что-либо изменить, разве может маркиз жениться на актрисе?

Маргарет Макфи

Любовница маркиза

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Mistress to the Marquis Copyright © 2013 by Margaret McPhee

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

* * *

Посвящается моей сестричке Джоанне – пикантная история специально для тебя!

Глава 1

Лондон, Англия, апрель 1811 года

– Рэйзеби, боже мой… какой сюрприз! Я не ждала тебя так рано…

«Это правда, я рассчитывала увидеть тебя гораздо позже». Дрожащими пальцами мисс Элис Свитли отбросила перо и поспешно спрятала листок бумаги, исписанный изящным почерком, в ящик секретера. Стараясь скрыть тревогу за лучезарной улыбкой, она встала и направилась к маркизу Рэйзеби.

– Ты застал меня врасплох.

– Прости, Элис. Я не знал, что ты занята, и не хотел мешать тебе, – произнес Рэйзеби своим бархатным голосом.

– Не так уж я и занята. Вот, решила написать письмо другу, – соврала она.

Как всегда в минуты волнения, ее мягкий ирландский акцент стал заметнее. Элис почувствовала, как щеки заливает предательский румянец.

– Счастливчик этот твой друг, – добродушно улыбаясь, заметил Рэйзеби.

Элис напряглась, ожидая, что он начнет расспрашивать ее о вымышленном письме и о друге, которому оно якобы адресовано. К счастью, Рэйзеби доверял ей и не задал ни одного вопроса. Он даже не взглянул в сторону маленького секретера.

– Заканчивай свое письмо, а я пока налью себе немного виски.

– Ни за что, то есть, я хотела сказать, допишу потом.

Элис представила, как садится за секретер, ощущая на себе внимательный взгляд Рэйзеби, и вздрогнула. Ее лицо пылало. Она опустила глаза на свою старую, побитую молью шерстяную шаль и простенькое утреннее платье, явно знававшее лучшие времена. Оно давно вышло из моды, некогда красивый муслин выцвел и истончился. Элис сочла за благо сменить тему разговора.

– Ты только посмотри на меня! Я ношу это старье, чтобы сберечь красивый наряд. – От этой привычки Элис так и не удалось избавиться, впрочем, в этом не было ничего удивительного: она выросла в бедности. – Сегодня вечером я собиралась надеть прелестное шелковое платье. Пожалуй, мне лучше подняться наверх и переодеться во что-то более приличное.

Элис направилась к двери, но Рэйзеби перехватил ее, обняв за талию и притянув к себе.

– Не стоит так переживать, Элис. Для меня ты прекрасна в любом наряде. Как всегда. – Она взглянула в его темно-карие глаза – в них светилось искреннее чувство. Рэйзеби отвел от ее щеки выбившийся из прически локон. – И потом, разве я не говорил тебе, что важна не одежда, а женщина под ней?

– Льстец, – надула губки Элис, но тут же улыбнулась.

Вздохнув, она прижалась к Рэйзеби, и по ее телу прошла волна возбуждения.

– Ты же знаешь, это правда. – Рэйзеби мог очаровать кого угодно. Он улыбнулся, крепко обнимая Элис за талию. – Но если тебе нужны новые наряды, ты их получишь.

– Но мне вовсе не нужны новые наряды. У меня в шкафах платьев столько, что хватило бы половине женщин Лондона!

– Мне нравится покупать тебе новые платья… они делают тебя счастливой. – Он сжал ее руку. – А я хочу, чтобы ты была счастлива, Элис.

Она попыталась сжать пальцы в кулак, чтобы скрыть чернильные пятна, но Рэйзеби не позволил ей. Он нежно провел пальцем по черным отметинам на ее коже.

– М-м-м… – Его взгляд скользнул по пятнам. – Мне кажется, тебе нужно новое перо.

– Нет. – Элис рассмеялась, но лицо ее снова вспыхнуло. Ей не хотелось говорить на эту тему, ведь Рэйзеби мог спросить о письме. Кроме того, она дорожила своим серебряным пером. – Мне не нужно новое перо. Мое меня вполне устраивает.

– Рад это слышать, – хрипло прошептал Рэйзеби и прижал ее испачканные чернилами пальцы к своим губам.

– Знаешь, я счастлива. Очень счастлива… – Элис помолчала и мягко добавила: – И поверь мне, не из-за тех вещей, что ты покупаешь мне.

Это была правда.

Рэйзеби улыбнулся странной улыбкой, в которой сквозила затаенная горечь, прижал пальцы Элис к своей щеке и посмотрел ей в глаза.

Не имело никакого значения, что прошло уже целых шесть месяцев, как Элис стала его любовницей, и что за это время редкую ночь он проводил не в ее постели. Когда Рэйзеби смотрел на нее так, как теперь, в Элис вспыхивало такое же горячее желание, как и в день их первой встречи. Это произошло в актерском фойе Королевского театра Ковент-Гарден. Элис помнила все так отчетливо, словно это произошло вчера. Время не охладило их страсть, напротив, она усиливалась день ото дня. По телу Элис пробежал трепет, ее бедра словно пылали. Рэйзеби отвел взгляд, его лицо стало задумчивым и немного печальным.

– Элис…

Он так и не договорил. Элис взяла лицо возлюбленного в ладони, повернула к себе и нежно коснулась губами его губ, заставляя его забыть обо всех своих тревогах.

Рэйзеби не остался в долгу. Его поцелуй был страстным и обжигающим, совсем как в ту лунную ночь, когда они впервые поцеловались у служебного входа в театр.

Оторвавшись от его ненасытных губ, Элис отстранилась, заглянула ему в глаза и шаловливо улыбнулась. Ее рука скользнула по выпуклости на его брюках. Рэйзеби замер, и она ощутила, как по его телу прошла дрожь. Он судорожно вздохнул.

Поймав руку Элис, он отвел ее в сторону, борясь с искушением. Его глаза потемнели, в них пылал тот же огонь желания, который пожирал и ее.

– Элис, ты испорченная женщина, – прошептал он, и она затрепетала от звука его голоса.

– Совершенно испорченная, Рэйзеби, – ответила она, прикусив губу. – Такая испорченная, что ты, пожалуй, захочешь наказать меня. Может быть, отшлепаешь?

– Я пренебрегу своим долгом, если не сделаю этого.

В его голосе слышалось едва сдерживаемое желание.

– Что мне в тебе нравится, Рэйзеби, так это то, что ты никогда не пренебрегаешь своим долгом.

Элис приподняла юбку, продемонстрировав изящные ножки в чулках. Она хотела, чтобы он забыл о своих тревогах, и достигла своей цели.

– Будьте осторожны, мисс Элис Свитли, – предупредил он.

– Я предпочитаю быть безрассудной, Джеймс Бранделл, маркиз Рэйзеби. Разве не поэтому я так нравлюсь тебе?

Она выгнула бровь и принялась медленно расстегивать пуговки на своем корсаже. Лиф разошелся, открыв взору Рэйзеби грудь, отчетливо вырисовывавшуюся под тонкой полупрозрачной тканью сорочки.

Глаза Рэйзеби потемнели. Он не отрываясь смотрел на Элис. Она облизнула пересохшие от волнения губы.

– Элис, ты – искушение, которому я не могу противиться.

– Очень на это надеюсь.

Она рассмеялась и принялась вынимать из своей прически шпильки одну за другой, пока густая волна светлых волос не рассыпалась по ее плечам.

Рэйзеби швырнул свой сюртук на стоявшую позади софу. Его пальцы проворно расстегнули пуговицы на светлом жилете. Одним движением плеч он избавился и от этой детали своего костюма. Вокруг шеи был повязан белоснежный галстук. Элис медленно подошла к Рэйзеби, потянула за кончик галстука, развязала его и

бросила на софу. Через тонкое полотно рубашки она видела его крепкие мышцы и темные волоски на груди. Ее взгляд скользнул ниже, к брюкам, туго обтягивавшим его мускулистые бедра, и она сразу поняла, насколько он возбужден. Она опустила глаза на его черные сапоги для верховой езды, покрытые пылью. Он приехал верхом из своего дома на Лестер-сквер в дом, который снимал для нее на Харт-стрит.

Элис знала каждый дюйм его тела, превосходную форму ягодиц и мускулов на его груди. Она помнила ощущение его кожи под ее пальцами и ритм биения сердца. Когда они занимались любовью, оно гулко и часто билось в его широкой груди. Она знала его запах, его вкус и нежность, от которой ее сердце наполнялось счастьем. С каждой минутой она все больше желала его.

Повернувшись к нему спиной, Элис соблазнительно повиляла бедрами.

– Ты играешь в опасные игры, Элис.

– Ты сдаешься? – спросила она, глядя через плечо.

Он шагнул к ней.

Она метнулась за софу, и они оказались по разные ее стороны.

– Когда я поймаю тебя, Элис…

– Если ты поймаешь меня, – уточнила она с улыбкой, чувствуя, как ее охватывает возбуждение. – И что же ты сделаешь?

– Я задеру твою юбку.

– Да. – выдохнула она.

– Уложу тебя на свои колени.

– А потом?

У нее закружилась голова.

Он медленно приблизился к софе.

– Ты знаешь, что это может закончиться только одним, Элис, – сказал он, понизив голос до хриплого шепота.

– Правда? И чем же, милорд?

Он перегнулся через софу, стараясь дотянуться до Элис.

Она отскочила и бросилась к двери гостиной.

– Тебе придется быть попроворнее, если хочешь меня поймать, Рэйзеби.

Она успела добежать до лестницы, когда он схватил ее. Его руки сомкнулись на ее талии. Рэйзеби прижал Элис к себе.

Она приглушенно вскрикнула и захихикала.

– Плутовка, – шепнул он ей на ухо и поцеловал шею в том месте, где едва заметно пульсировала жилка.

Потом он легко, словно ребенка, подхватил Элис на руки. Не обращая внимания на ее крики, он перебросил ее через плечо, как какой-нибудь разбойник, похищающий женщин, и понес вверх по лестнице.

– Рэйзеби! – протестующе взвизгнула Элис, но он лишь шлепнул ее по ягодицам.

Пинком открыв дверь спальни, он швырнул свою добычу на постель.

– А теперь, женщина, – прорычал он, – сведем счеты. Мне придется наказать тебя.

– Неужели?

Рассмеявшись, Элис перевернулась на живот и проворно поползла по постели.

– Я не позволю тебе сбежать, – сурово предупредил он.

Его сильные пальцы сомкнулись на ее лодыжке. Он подтянул ее к себе. Юбка ее задралась, открыв ноги. Элис по-прежнему лежала на животе. Подняв юбку повыше, Рэйзеби обнажил ее бедра.

– А здесь есть на что посмотреть, – пробормотал он. Элис затаила дыхание, когда его пальцы скользнули по изгибу ее бедра.

Рэйзеби опустился на постель, и Элис, не успев опомниться, уже лежала у него на коленях с задранной до талии юбкой.

– Сжальтесь, милорд Рэйзеби, прошу вас, – взмолилась она, пряча улыбку. В ее голосе явственно звучало желание.

– Клянусь, любовь моя, что к тебе у меня не будет жалости.

Погладив обнаженные ягодицы, он несколько раз шлепнул по ним, причем эти шлепки больше походили на ласку, чем на наказание.

Элис расхохоталась. Улыбаясь, Рэйзеби перевернул ее на спину, прижал к себе и поцеловал в губы. Обвив его шею руками, она ответила на поцелуй со всей бушевавшей в ней страстью. Он уложил ее на постель и опустился сверху. Элис легко коснулась его щеки, запустила пальцы в его густые темные волосы.

– Элис, – прошептал он и погладил ее щеку.

В его карих глазах светились нежность и желание.

– Рэйзеби, – мягко произнесла она.

Он встал, стянул рубашку через голову, расстегнул брюки. Ее пальцы все еще сражались с пуговицами на корсаже, когда он вернулся.

– Позволь мне помочь, – предложил он и одним движением разорвал лиф платья, как какой-нибудь древний викинг в разгаре грабежа и насилия.

– Как вы нетерпеливы, милорд, – упрекнула его Элис.

– Вот видишь, до чего ты меня довела, женщина.

– Может быть, вы привяжете меня к постели?

Он взглянул на длинные ленты из черного шелка, свисавшие с изголовья кровати.

– Займемся этим чуть позже.

– Если вы настаиваете, лорд Рэйзеби.

– Настаиваю, мисс Свитли.

Она улыбнулась.

Издав звук, похожий на рычание, он сорвал с нее разорванное платье и отшвырнул его в сторону, обнажив ее стройное тело.

– Знаешь, что ты со мной делаешь?

Она слышала напряжение в его голосе. Он легко коснулся ее груди. Соски напряглись и стали невероятнно чувствительными.

– Догадываюсь, – промурлыкала она, глядя ему в глаза.

Рэйзеби склонился над ней и коснулся кончиком языка ее обнаженной груди. Элис судорожно вздохнула, а его ласки становились все более изощренными.

Она застонала, выгнув спину и подставляя грудь. Он взял один из сосков в рот и принялся посасывать. Она запустила пальцы в его волосы, притягивая его к себе, желая, чтобы эта пытка никогда не заканчивалась. Он ласкал языком ее

розовые соски, пока они не стали такими чувствительными, что Элис едва не достигла оргазма. Она пыталась сдерживаться, сопротивляться, но Рэйзеби лишь улыбался, видя, как близко она подошла к краю.

– Никакой жалости, Элис, – сказал он низким бархатным голосом, а потом склонился над ней, и одно прикосновение его языка сделало сопротивление бесполезным. Элис сдалась, и волна наслаждения подхватила ее, закрутила в водовороте, заставляя все тело содрогаться от блаженства.

– Рэйзеби, – обессиленно прошептала она.

– Плохая девочка, – с улыбкой сказал он.

Она провела руками по его плечам. Рэйзеби был великолепно сложен, да и неудивительно, он любил фехтование, верховую езду и бокс, его тело было крепким, а мышцы – стальными.

– Это твоя вина, – улыбнулась она.

– Виновен по всем пунктам, – признал он и поцеловал ее шею, потом его губы коснулись ее подбородка, щеки и, наконец, губ.

Элис ощутила нарастающее желание, тело заныло, она снова жаждала его ласк.

Ее рука скользнула между его бедер, сомкнулась на его мужском достоинстве, принялась ласкать его. Рэйзеби стиснул зубы.

– Элис…

Она улыбнулась.

Он впился в ее губы, погрузил язык в ее рот. Она развела ноги, приглашая его войти в нее.

Они двигались в танце, древнем, как сама жизнь. Мужчина и его женщина сливались в единое целое, дарили себя друг другу в этом путешествии, цель которого была одной для обоих.

Наконец она судорожно вздохнула и выкрикнула его имя. Он выплеснул в нее свое семя, и она прижалась к нему, страстно желая, чтобы этот миг никогда не кончался.

Потом он долго держал ее в объятиях, словно защищая от всего мира. Она чувствовала его теплое дыхание на своих волосах, его руку на своей груди, тепло его тела. Его губы легко касались волос Элис, и ее сердце готово было разорваться от счастья. Она крепче прижалась к нему и забылась в легкой дреме.

Очнувшись от сна и открыв глаза, Элис посмотрела на Рэйзеби. На его лице было то же задумчивое выражение, которое она заметила раньше, в гостиной. Она нежно коснулась пальцами его щеки.

– Что случилось, Рэйзеби?

Он был не похож на самого себя. Что-то явно тревожило его в последние недели.

– О чем ты думаешь?

Элис вдруг испугалась, что причиной его задумчивости является она, вернее, то, что она писала, сидя за столом. А что, если он спросит ее об этом?

Элис не знала, что ей сказать…

Он посмотрел ей в глаза, внимательно и чуть печально, и на мгновение ей показалось, что он сейчас все расскажет ей. Но он лишь улыбнулся, и от его улыбки у нее, как всегда, счастливо забилось сердце.

– Ничего такого, что не могло бы подождать.

Он нежно сжал ее пальцы и коснулся их губами.

Но Элис не чувствовала себя успокоенной. Тревога не покидала ее.

– Рэйзеби, – начала она, но он уложил ее на спину и опустился сверху, глядя ей в глаза.

– Пожалуйста, не сейчас, – умоляюще прошептал он и заглушил ее протесты поцелуем.

За одним поцелуем последовал другой, потом еще один, пока страсть не поглотила их без остатка.

Глава 2

Рэйзеби стоял у окна в своем доме на Лестерсквер и задумчиво смотрел на уличную суету. Вот неторопливо проехала карета с гербом графа Мисбурна на дверце. Из переулка вывернула повозка угольщика, оставляя за собой шлейф угольной пыли. Два джентльмена верхом на превосходных лошадях остановились, чтобы поприветствовать друг друга. По тротуарам, ловко лавируя в толпе прохожих, мчались посыльные. Нянька толкала перед собой детскую коляску с розовощеким малышом. Бросив взгляд на счастливое детское личико, Рэйзеби отвернулся.

На письменном столе стоял графин с бренди, тяжелый, хрустальный, украшенный гербом Рэйзеби и девизом «Имя Рэйзеби превыше всех». Какая злая ирония… Несмотря на ранний час, Рэйзеби потянулся к графину, наполнил один из хрустальных бокалов и сделал глоток.

Бренди обжег горло, горячая волна разлилась по телу. Глубоко вздохнув, Рэйзеби поставил бокал на письмо, лежавшее на столе. Несколько капель темно-золотистой жидкости медленно скатились по бокалу и упали на листок бумаги, размыв чернила. Это было письмо от Атолла, кузена Рэйзеби. Презрев все советы, он купил патент на офицерский чин в кавалерии и бесстрашно бросился в гущу сражений с Наполеоном. Еще одно напоминание. Всюду, куда падал взгляд Рэйзеби, его подстерегали напоминания.

Дом погрузился в тишину. Лишь едва слышное тиканье высоких напольных часов в углу указывало на быстрый бег времени. Он и так позволил ситуации зайти

слишком далеко. Еще немного, и было бы поздно… Дольше откладывать нельзя.

Мысли Рэйзеби обратились к Элис, его Элис, к ее сверкающим темно-голубым глазам, ее страсти, теплоте ее души и силе духа… Она так ждет сегодняшнего фейерверка. Он думал об Элис, о том, что было между ними в последние несколько месяцев, и чувствовал, как сжимается сердце. Он опустил глаза на продолговатый, узкий футляр коричневого бархата, лежавший на столе. Несколько секунд он отрешенно смотрел на футляр, потом взял его со стола и положил в карман.

Схватив бокал, Рэйзеби залпом допил бренди, но жгучий напиток не принес долгожданного облегчения.

Бархатное ночное небо густого темно-синего цвета было усеяно звездами, переливавшимися, как бриллианты. В самом центре сиял тонкий серпик месяца. Зима уже миновала, но весенний воздух был еще по-зимнему прохладен, и при каждом выдохе изо рта вырывалось облачко пара. Элис и Рэйзеби вылезли из маленькой лодки и рука об руку зашагали по траве к Воксхолл-Гарденз.

Поежившись, Элис плотнее завернулась в накидку. Рэйзеби обнял ее за плечи.

– Ты замерзла?

– Немного. – Она улыбнулась, взглянула Рэйзеби в глаза и удивилась. Он смотрел на нее так пристально и с такой всепоглощающей нежностью, словно хотел навсегда запечатлеть ее лицо в своей памяти. – Откуда эта серьезность? – спросила она, все еще улыбаясь, и легко провела пальцами по его чисто выбритой щеке.

Рэйзеби коснулся губами ее ладони.

– День был тяжелым.

– Тогда надо позаботиться, чтобы ночь прошла лучше.

– Я не упущу ни одной драгоценной минуты, – произнес Рэйзеби так тихо, что Элис пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его слова.

Потом, словно стряхнув с себя уныние, Рэйзеби взял Элис за руку и увлек в гущу развлечений. Здесь были жонглеры и метатели ножей, танцоры и музыканты. На плече старого шарманщика, вцепившись в его рукав, сидела крошечная обезьянка в красивом платьице и шляпке. В воздухе витали аппетитные запахи – гостей праздника ждали закуски. Но морозный воздух не располагал к тому, чтобы получать удовольствие от тонких ломтиков холодной ветчины и ледяного шампанского.

– Хорошо, что мы поужинали дома, – порадовалась Элис.

– Да. – Рэйзеби выудил из кармана бутылку шампанского. – Бокалов, к сожалению, нет. Придется пить из горлышка. Это лучшая бутылка из твоего погребка.

– Твоего погребка, – сказала Элис и рассмеялась, глядя, как Рэйзеби пытается открыть бутылку.

Пена фонтаном выплеснулась из горлышка. Рэйзеби протянул бутылку Элис.

Она сделала глоток и закашлялась, пузырьки щекотали ей горло.

Рэйзеби взял бутылку и тоже отпил.

Потом они стояли, глядя в весеннее небо, где расцветали яркие вспышки фейерверка. Элис чувствовала себя совершенно счастливой в крепких объятиях Рэйзеби. Каждый залп фейерверка вызывал восторженные возгласы толпы. Едкий запах фейерверка смешивался с дымом от жаровен.

Склонившись, Рэйзеби поцеловал Элис. Он ощутил на ее губах вкус земляники, шампанского и всего, что есть прекрасного в жизни. Они смотрели на фейерверк, пили шампанское, целовались, не обращая внимания на окружающих, потому что было темно, потому что это были «Сады удовольствий», а еще потому, что совершенно невозможно было оторваться друг от друга. Потом, не дожидаясь конца представления, Рэйзеби взял Элис за руку

и повел к лодке.

В спальне их дома на Харт-стрит отблеск пламени в камине превратил светлые волосы Элис в темное золото. Протянув руку, Рэйзеби коснулся шелковистого локона, выбившегося из прически, его пальцы скользнули по нежной коже ее щеки. Элис закрыла глаза и на мгновение прижала лицо к его ладони, потом отступила и посмотрела в глаза Рэйзеби.

Он снял темно-синий фрак и швырнул его на кресло. Из кармана выпал узкий футляр коричневого бархата.

Элис улыбнулась:

– Ты опять купил мне подарок. Что я тебе говорила?

Рэйзеби наклонился, поднял футляр и выпрямился, не отрывая глаз от вещицы.

– Правда, Рэйзеби, не стоило этого делать.

Натянуто улыбнувшись, он протянул футляр Элис.

– Я заинтригована. Что бы это могло быть?

Осмотрев футляр, Элис провела пальцами по нежному бархату и, немного поколебавшись, открыла крышку. Внутри на кремовом бархате сверкал и переливался бриллиантовый браслет. Его сияние словно осветило комнату.

Элис изумленно ахнула:

– О, Рэйзеби! Он прекрасен! – Она поцеловала его в щеку. – Наверное, он обошелся тебе в целое состояние.

– Ты стоишь каждого пенни и больше того.

– Это просто чудо… – Теплые пальцы Элис скользнули по лицу Рэйзеби, ее глаза сияли. – Спасибо!

Сердце Рэйзеби болезненно сжалось.

Ее губы медленно приблизились к его губам.

– Элис, – прошептал он и, прижав к себе, поцеловал ее.

Он целовал и целовал ее, и не мог остановиться. Он словно утонул в ней. Она заставляла его забыть обо всем, о той ответственности, что тяжким грузом лежала на его плечах, о подступавшей тьме. Страсть и желание в ее глазах были отражением его собственных чувств.

– Люби меня, Рэйзеби.

Он не мог отказать ей. Он не мог отказать себе, не мог в один миг забыть о своих чувствах к Элис.

В полной тишине, глядя на Элис, Рэйзеби раздел ее и нежно уложил на постель. Все еще не отрывая глаз от ее лица, он снял с себя жилет, галстук, рубашку, стянул брюки.

Он занимался с ней любовью нежно, с каким-то благоговейным трепетом, отдавая ей всего себя, и Элис отвечала ему тем же. Ради этой женщины, подумал Рэйзеби, он достал бы солнце и луну с неба, если бы это было в его силах.

Их тела слились воедино, стали одним целым. Казалось, в мире не осталось никого, кроме них. Сегодня ночью то, что происходило между ними, нельзя было назвать иначе как волшебством. Элис словно коснулась таких струн его души, о существовании которых Рэйзеби и не подозревал. Их тела двигались в едином ритме, а в глазах друг друга они видели отражение обуревавших их чувств. Вместе они достигли высшей точки наслаждения, и Рэйзеби ощутил, что его сердце бьется в унисон с сердцем Элис. Утомленные страстью, они лежали, обнявшись, и смотрели на языки пламени в камине.

Пальцы Элис скользнули по руке Рэйзеби.

– Элис… – сказал он, и сердце его больно сжалось.

– Ты достал билеты на завтрашнее представление?

– Достал.

– Хорошо. – Она улыбнулась, но Рэйзеби не нашел в себе сил ответить ей тем же. – Вот увидишь, мы замечательно проведем время. Эллен говорит, что лошади просто великолепны. Пока сам не увидишь, ни за что не поверишь, какие трюки они могут делать.

Закрыв глаза, Рэйзеби сделал глубокий вдох и заставил себя заговорить:

– Я не смогу пойти с тобой завтра на это представление.

– Ты же сказал, что достал билеты.

– Да, но… я должен быть в другом месте.

– В каком месте?

Наступившая тишина показалась Рэйзеби оглушительной.

– На балу у Элмака.

– Не думала, что это место тебе по вкусу. – Элис усмехнулась. – Все эти дебютантки и хищные матроны – охотницы за подходящими мужьями для своих дочерей. Неужели Девлин, наконец, решил жениться?

– Я иду туда не с Девлином, а с Линвудом.

Почти шесть месяцев назад виконт Линвуд женился на Венеции Фокс, лучшей подруге Элис и самой известной из лондонских актрис.

Рэйзеби почувствовал, как напряглось тело Элис. Взглянув ей в лицо, он понял: она разгадала его тайну еще до того, как он произнес роковые слова.

– Нам нужно поговорить, Элис. Я должен тебе кое-что сказать.

Глава 3

Рэйзеби сел в постели и натянул брюки. Откинувшись на массивную резную спинку кровати, он вытянул длинные ноги.

По телу Элис пробежал холодок. Поежившись, она завернулась в одеяло и села рядом с Рэйзеби.

Протянув руку, он коснулся ее руки, сжал ее тонкие пальцы, и сердце Элис учащенно забилось. На мгновение ей показалось, что она задыхается, а сердце будто мороз сковал. Она ждала, уже зная, что Рэйзеби собирается ей сказать, но от всего сердца надеялась, что ошиблась в своих предположениях. Да, конечно, все совсем не так, она напридумывала себе бог знает что, а потом сама же посмеется над своим глупым сердцем.

– Так скажи мне. – Элис улыбнулась, чувствуя, как кровь в ее венах превращается в лед.

– У меня есть обязательства, Элис. Перед моим титулом, моими поместьями и людьми, которые от меня зависят. Я должен сберечь все это для будущих поколений. Это мой долг. И во имя этого долга я обязан жениться и произвести на свет наследника. Меня растили для этой цели. У меня должен родиться сын, который в свое время сделает то же самое. Я должен жениться.

– Разумеется, ты должен. – Элис всегда это знала, они оба знали. Но ей казалось, что это случится еще очень нескоро, в отдаленном будущем, а не теперь, когда их чувства друг к другу так сильны. – Но ты еще очень молод. Ты ведь не собираешься прямо сейчас пойти к алтарю?

– Через полгода мне исполнится тридцать.

Он посмотрел в сторону и провел рукой по волосам.

– И что это значит? Это что, условие? К тридцати годам ты должен жениться и произвести на свет наследника?

В его глазах промелькнула тень.

– Что-то вроде того, – сказал он. – Атолл возвращается домой на носилках. Он был на волосок от смерти.

– Твой кузен, которого ранило в сражении?

– Сейчас он – мой наследник, Элис.

– Но я думала, он поправляется.

– Теперь да, но он едва не отдал Богу душу. То, что случилось с Атоллом… заставило меня задуматься. Я слишком долго пренебрегал своими обязательствами. Больше так продолжаться не может. Я должен найти себе невесту.

Его рука все еще покоилась на ее руке. Никто из них не пошевелился. Они сидели, откинувшись на спинку кровати, и как будто вели обычный разговор, как тысячу раз до этого. Элис смотрела на огонь, пляшущий в камине, и делала вид, что не потрясена словами Рэйзеби.

– Значит, ты даешь мне отставку? – Она улыбнулась, в глубине души отчаянно надеясь, что он передумает и скажет, что все будет как прежде. На белоснежном покрывале она видела грязные пятна – пыль с его сапог.

Он не передумал.

– Прости, Элис.

Она медленно убрала руку и взглянула на него, но Рэйзеби смотрел прямо перед собой, словно вглядывался во что-то в одной ему ведомой дали.

Всего пять минут назад они занимались любовью, их дыхание, тела, сердца слились воедино. А теперь он сидит, отстранившись, будто и не было ничего между ними. Элис чувствовала себя так, словно ее ударили со всего размаха.

Ее взгляд упал на бриллиантовый браслет, сверкающий, как ночное небо, полное звезд.

– Так вот почему ты купил мне браслет! – Она невесело улыбнулась. – Это расчет.

Воцарилась невыносимо мучительная тишина.

Пальцы Элис медленно нашли застежку, расстегнули ее, и браслет соскользнул с ее запястья. В отблесках пламени бриллианты сверкали, как капли росы на солнце.

Мысли Элис путались. Она силилась понять, осмыслить происходящее.

– Ты собирался сказать мне еще вчера, не так ли? Вот почему ты приехал так неожиданно.

Он не отрицал.

Горько усмехнувшись, Элис покачала головой.

Его потемневшие глаза упорно смотрели вдаль.

Охватившая ее буря чувств была так сильна, что Элис чуть не захлебнулась в ней, как в штормящем море. Она отвернулась, стараясь сдержать охватившие ее гнев и неверие. Обида раздирала сердце. Как она могла быть так слепа? Шесть месяцев она думала, что все замечательно. Она была счастлива и была уверена, что он испытывает к ней такие же чувства, что и она к нему. Сейчас она едва могла поверить в происходящее. Элис казалось, что она спит и видит дурной сон.

– Ты можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь. Пока не подыщешь себе другой дом.

– Как мило с твоей стороны.

Рэйзеби словно не заметил иронии.

– Разумеется, я положу на твой счет определенную сумму.

– Мне не нужны твои деньги, Рэйзеби.

– Это часть нашего договора.

– Ах вот что… – Она вспомнила о листке бумаги, исписанном изящным почерком и перевязанном зеленой лентой. – Как же я могла забыть…

Снова воцарилась тишина. Напряжение стало невыносимым. В голове Элис металось столько мыслей, столько слов просилось на язык. Она сжала губы, стараясь не выпустить слова на волю.

Соскользнув с кровати, она схватила свой старенький пеньюар со спинки стула, надела его, завязала пояс на талии и встала у окна, уставившись на залитую светом фонарей улицу. В молчании она наблюдала за редкими прохожими. Театралы, возвращавшиеся домой после спектакля. Женщины, внешний вид которых не оставлял сомнений в том, что это жрицы любви, вышедшие на ночную охоту. Наметанным глазом Элис сразу выделяла их из прочих, в конце концов, разве сама она… Проехала карета, затем джентльмен верхом на лошади.

Услышав шорох, она обернулась и увидела, что Рэйзеби поднимается с кровати. Вот он встал, и Элис хватило одного взгляда на его мускулистую грудь и бедра в облегающих брюках, чтобы ее тело предательски затрепетало. Она ощутила прилив желания.

– Такие отношения, как наши, не могут длиться вечно, Элис.

– Конечно, – согласилась она.

– Я должен выполнить свой долг.

Его губы, на которых так часто играла улыбка, теперь были сурово сжаты. Как ни старалась Элис, ей не удалось ничего прочесть у него в глазах, они были непроницаемы.

Сердце ее билось чаще, чем у лошади, скачущей галопом.

– Может быть, тебе стоило вспомнить о своем долге шесть месяцев назад?

Полгода назад Рэйзеби увидел Элис в пьесе, где она играла вместе с Венецией. Тогда пьеса произвела в Лондоне настоящий фурор. Увлекшись Элис, Рэйзеби сделал ее своей любовницей. Для этого ему потребовалось всего несколько недель.

– Может быть, – ответил он.

Это признание причинило Элис жгучую боль.

Они смотрели друг на друга. Лицо Рэйзеби было мрачно. Она никогда не видела его таким серьезным.

– Не думаю, что тебе станет от этого легче, но мне очень жаль, Элис.

– Ты это уже говорил.

– Спасибо тебе за все.

Не отрывая глаз от лица Элис, Рэйзеби шагнул к ней и протянул руку, словно желая коснуться ее.

Она отскочила, глядя на эту сильную, покрытую легким загаром руку с длинными пальцами. Эта рука касалась ее губ, ласкала ее обнаженное тело, дотрагивалась до самых интимных его частей.

Элис подняла глаза, в них сверкала ярость.

Рэйзеби отвел взгляд, рука безвольно опустилась.

– Если тебе еще что-нибудь нужно…

– Ничего. Ты можешь идти, – с притворной холодностью отрезала Элис и отвернулась к окну, судорожно кутаясь в пеньюар.

Она слепо вглядывалась в улицу, залитую светом фонарей, молясь про себя только об одном – чтобы он скорее ушел.

Но Рэйзеби медлил.

Она слышала, как он подошел к ней. Он не коснулся ее, но Элис ощущала исходящее от него тепло.

– Элис… я надеюсь, что не… обидел тебя.

Она резко повернулась и взглянула ему в глаза, вызывающе вздернув подбородок:

– Обидел меня? Не льсти себе, Рэйзеби. Это было мило, но всему приходит конец.

Элис пожала плечами, старательно демонстрируя равнодушие, и прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

В его глазах промелькнула боль.

– Что ж… – Он кивнул. – Прощай, Элис.

– Прощай, Рэйзеби.

Слова падали, как камни. Элис заставила себя улыбнуться и снова отвернулась к окну, словно надеясь увидеть там что-то более интересное.

Помедлив несколько секунд, Рэйзеби повернулся и зашагал к двери. Элис видела в темном оконном стекле его удаляющееся отражение и свое бледное, испуганное лицо.

Дверь спальни закрылась с едва слышным щелчком, но Элис показалось, что удар был оглушительным.

Она молча стояла, прислушиваясь к удаляющимся шагам и судорожно зажимая рот рукой, чтобы сдержать рыдания. Вот шаги раздались уже на лестнице, и пять минут спустя захлопнулась входная дверь. Только тогда Элис сползла на пол, задыхаясь от слез.

Остаток ночи она провела в маленьком кресле у камина, уставившись на огонь. Время от времени она подбрасывала уголь и смотрела на пляшущие языки пламени. Они пожирали черные куски дерева с неистовством, которое бушевало и в ней самой. В комнате было жарко, но Элис не замечала этого. Никакого тепла не хватит, чтобы согреть ее, изгнать холод из ее сердца, и напрасно она куталась в шерстяную шаль. Это шок, подумала она. И ярость. И еще ощущение, будто она выпила подряд десять чашек кофе. Даже если она ляжет в постель, ей не уснуть. Мысли мечутся в голове, она словно обезумела.

«Не смей плакать о нем!»

Но слезы лились сами собой. Их хватило бы на небольшой водопад, подумала Элис. Ей казалось, что на груди у нее покоится огромный валун, который вот-вот раздавит ее.

Это же всего лишь секс. Это всегда был только секс. Почему же теперь она чувствует себя такой униженной, почему ее сердце истекает кровью? Память услужливо воспроизводила слова Рэйзеби, не давая Элис возможности успокоиться.

Она глубоко вздохнула. Посмотрела на огонь. У нее бывали времена и похуже. Она вспомнила о своей семье, оставшейся в Ирландии, о том, как отправилась в Лондон, надеясь найти работу и помочь родным, о голоде и отчаянии, которые подстерегали ее тут. Она вспомнила, как играла роль мисс Руж в первоклассном борделе миссис Сильвер, старательно скрывая под маской свое лицо. Об этом почти никто не знал. Рэйзеби знал. Бог знает, зачем она ему рассказала. Теперь Элис жалела об этом.

Она перевела взгляд на постель, все еще смятую после ночи любви. В складках простыней сверкал бриллиантовый браслет, такой красивый и такой дорогой. Элис горько усмехнулась и покачала головой – какой же глупой она была.

«Никогда не показывай им, как сильно они тебя обидели. – Слова матери громом отдавались в ушах Элис. – Эти ублюдки не смогут забрать у тебя твою гордость, если ты сама им не позволишь. Смотри жизни в лицо, Элис, и всегда, слышишь, всегда улыбайся».

Элис не блистала особенным умом, но она была женщиной практичной, целеустремленной и не боялась тяжелой работы. И еще у нее была ее гордость, черт возьми.

Элис отвела взгляд от постели и, уставившись на золотистые язычки пламени, принялась строить планы.

Глава 4

Тысячи свечей в изящных канделябрах заливали бальный зал мягким светом. Кремового цвета стены сияли золотой отделкой. Потолок, недавно подвергшийся переделке, поражал великолепием лепнины. В центре красовались стилизованные розы, служившие декором для трех огромных хрустальных люстр. Трехстворчатый экран для камина из узорчатого стекла и расставленные по всему залу подсвечники, отражавшие свет свечей в многочисленных зеркалах, прекрасно дополняли обстановку. Вдоль стен были расставлены небольшие кресла и столики. На балконе расположился оркестр. Мелодичная музыка наполняла зал и как будто преследовала Рэйзеби.

– Я не был уверен, что тебе позволят прийти сюда, – сказал он стоящему рядом Линвуду.

– Пришлось воспользоваться старыми связями, намекнуть про оказанные когда-то услуги, ну, ты понимаешь.

– Я рад, что тебе это удалось, – признался Рэйзеби.

Некоторое время мужчины наблюдали за танцующими парами, потом перевели взгляд на толпу дебютанток, одетых в белое. Они болтали и хихикали под строгим присмотром своих суровых спутниц – матерей и компаньонок.

– Элис знает, что ты здесь? – спросил Линвуд.

– Между мной и Элис все кончено.

Рэйзеби ощутил на себе тяжелый взгляд Линвуда, но не подал виду, продолжая все так же безучастно осматривать бальный зал.

– Жаль.

– Мне тоже.

Зал наполняла музыка, монотонный гул голосов и звонкий женский смех.

– Зачем было рвать отношения? Ты мог бы остаться с ней, пока не найдешь…

– Нет, – перебил его Рэйзеби. – Полный разрыв – это самое лучшее. – Он взглянул в глаза другу.

Линвуд удивленно изогнул бровь:

– Я думал, что вы с ней хорошо поладили.

– Так и есть. – Рэйзеби отвел взгляд и поправил себя: – Так и было. – Ему вдруг стало трудно дышать, сердце сжалось. – Она была моей любовницей, Линвуд, а теперь пришло время найти жену.

Линвуд внимательно посмотрел на него, и Рэйзеби показалось, что друг видит, какую боль он ощутил, произнеся имя Элис. Рэйзеби знал, что поступает правильно, так, как велит его долг, но почему он позволил ситуации зайти так далеко… Это следовало сделать шесть месяцев назад, до того, как Элис Свитли вошла в его жизнь и разрушила его планы. За эти шесть месяцев не было ни одного дня, о котором он сожалел бы. Шесть месяцев и… Рэйзеби покачал головой, отгоняя печальные мысли. Скрывая охватившие его чувства, он с

веселой улыбкой повернулся к другу:

– Ты только посмотри, это просто ярмарка невест. Подумай, чего ты лишился…

Линвуд улыбнулся. Женитьба явно пошла ему на пользу, он почти всегда пребывал в хорошем расположении духа и улыбался гораздо чаще, чем раньше.

– Я предпочитаю обвинение в убийстве из уст красавицы, – ответил он, намекая на предысторию своего брака. – Пусть это и скандально, и опасно, но результат стоит того.

Линвуд снова улыбнулся, и взгляд его затуманился. Рэйзеби понял, что друг думает о своей жене, в прошлом звезде театра Ковент-Гарден, Венеции Фокс. О Венеции, которая была лучшей подругой Элис.

Память услужливо напомнила Рэйзеби об Элис, перед его мысленным взором предстало ее милое лицо. Элис, такая озорная, такая веселая. А какая боль и неверие застыли в ее глазах, когда он заявил, что между ними все кончено. Желудок Рэйзеби словно стянуло в тугой узел. Усилием воли он отогнал прочь образ Элис и обратил свой взор на девушек в белоснежных платьях. К концу сезона одна из них станет его женой, ляжет с ним в одну постель и родит ему ребенка. При этой мысли Рэйзеби охватило глухое отчаяние, но выбора у него не было. Грех жаловаться – он хорошо провел время с Элис, она дала ему больше, чем он ожидал, но теперь он должен, стиснув зубы, выполнить свой долг… пока не стало слишком поздно. Рэйзеби постарался взять себя в руки.

– Какую же счастливицу ты пригласишь на танец? – поинтересовался Линвуд.

– Первую же, на которую упадет мой взгляд, – ответил Рэйзеби с улыбкой, которая не осветила его глаз.

Поставив пустой бокал из-под шампанского на серебряный поднос, услужливо протянутый лакеем, он решительно зашагал к группе щебечущих девиц.

День тянулся нескончаемо долго, потом на смену ему пришла ночь, не принесшая долгожданного покоя. Элис не сомкнула глаз, но совсем не

чувствовала усталости.

Сделав над собой усилие, она заставила себя выйти из дома и почти весь день колесила по Лондону. Однако это того стоило.

На полу перед ней стоял раскрытый саквояж.

– Могу я помочь вам, мэм?

Горничная неловко застыла в дверях, словно страшась переступить порог. Ее щеки заливал смущенный румянец, пальцы нервно теребили передник. Элис видела, как расширились глаза горничной при виде саквояжа.

Элис не сомневалась: все слуги уже знают о том, что случилось, пусть даже Рэйзеби не сказал им ни слова. Две сестры Элис служили горничными в Дублине, и она прекрасно знала, что новости распространяются среди слуг как пожар.

– Нет, благодарю вас, Мэри. Я сама соберу вещи. Не могли бы вы попросить Хестона вызвать мне экипаж?

– Конечно, мэм.

Сделав неловкий книксен, горничная поспешила прочь.

Элис открыла дверцы шкафа и, не обращая внимания на шелковые наряды, перчатки и сумочки, купленные для нее Рэйзеби, сняла с вешалок несколько платьев, которые привезла с собой в этот дом.

Пройдясь по комнате, она собрала свои немногочисленные пожитки. Элис предпочитала путешествовать налегке.

Когда она подошла к шкафу, чтобы закрыть дверцы, ее взгляд невольно обратился к платью, висевшему чуть в стороне от прочих. Колеблясь и закусив губу, Элис смотрела на платье. Она знала, что должна закрыть дверцы шкафа и оставить там это платье, как и другие, но что-то удерживало ее. Наконец, отбросив прочь сомнения, она сняла с вешалки шелковое вечернее платье изумрудного цвета и уложила его в свой саквояж.

Из всех подарков, преподнесенных ей Рэйзеби, Элис взяла лишь один. Она приоткрыла крышку длинной, узкой шкатулки из вишневого дерева. Убедившись, что изящное серебряное перо с гравировкой на месте, Элис захлопнула шкатулку и сунула ее в сумку, потом положила туда же черепаховый гребень и несколько туалетных принадлежностей. Закутавшись в накидку из черного бархата, она подняла саквояж.

С минуту постояв на пороге, Элис оглянулась и обвела прощальным взглядом уютную спальню: туалетный столик и зеркало, гардероб, кресла и изящный маленький столик с вазой из слоновой кости, в которой увядали темно-алые розы. С поникших цветов слетали лепестки, но кружащий голову аромат все еще наполнял комнату. Элис перевела взгляд на постель, которую делила с Рэйзеби, отвернулась и, крепче сжав ручки саквояжа, решительно вышла из комнаты. Спустившись по лестнице, она покинула дом и села в ожидавший ее экипаж.

Кучер натянул поводья, и облитый лучами заходящего солнца экипаж тронулся. Элис сосредоточенно смотрела на небо, окрашенное в золотисто-розовый цвет, губы ее были плотно сжаты.

Она ни разу не оглянулась на дом, в котором была так счастлива.

Рэйзеби потерял счет женщинам, с которыми танцевал в тот вечер. Все они казались ему похожими друг на друга, как близнецы. Он кружил и кружил их в танце, но ему так и не удалось отогнать от себя мысли об Элис и воспоминания о том, что произошло между ними минувшей ночью.

Наверное, Элис лучше многих других понимала правила отношений между мужчиной и женщиной и не строила иллюзий. Ни она, ни Рэйзеби не тешили себя пустыми надеждами. И все же…

«Мне не нужны твои деньги, Рэйзеби».

Эти слова снова и снова звучали в его ушах. На самом деле эта фраза тревожила его больше других.

Прошлой ночью они расстались навсегда. Это было единственно верное решение. Лучший выход для них обоих. Как он и сказал Линвуду. В теории все это было легко, на практике же… Он все сделал не так. Хуже просто быть не может.

Элис была мила с ним и так подходила ему. Она не была похожа ни на одну из женщин, которых он знал. Вот почему с тех пор, как они расстались, Рэйзеби не покидало мучительное ощущение вины. Он должен был убедиться, что с Элис все хорошо, что ее будущее устроено. Нужно удвоить ее «выходное пособие», и не важно, какую сумму его поверенный указал в контракте. Это следует сделать, невзирая на то, что Элис вовсе отказалась от денег.

Рэйзеби подвел мисс Томсон к ее матери и поклонился.

«Обидел меня? Не льсти себе, Рэйзеби». Вряд ли она говорила искренне. Эта мысль не отпускала его. Чувство вины тяжелым грузом лежало на сердце, несмотря на то что он был честен с Элис и сказал ей правду. Те отношения, которые связывали их, не могли длиться вечно. Но Рэйзеби не переставал думать о том, что чувствует сейчас Элис.

– Уже уходишь? – Линвуд удивленно посмотрел на друга. – Но бал в самом разгаре, Рэйзеби.

– Пожалуй, с меня хватит на сегодня. Здесь столько девиц, что со всеми не перетанцуешь.

– Не хочешь зайти в Уайтс, освежиться?

– В другой раз, – ответил Рэйзеби, покачав головой.

Солнечный свет пробивался сквозь портьеры. Дом на Харт-стрит выглядел, как всегда, приветливо. Помедлив, Рэйзеби спросил себя, не совершает ли он ошибку, придя сюда. Однако ему нужно было удостовериться, что у Элис все хорошо.

– Что значит – она уехала?

Он оставил Элис на рассвете. С момента их разговора не прошло и двадцати четырех часов.

Дворецкий смущенно переступил с ноги на ногу, но потом вспомнил о приличиях, и его лицо снова стало невозмутимым.

– Мисс Свитли отсутствовала весь день, милорд. Она вернулась ранним вечером, чтобы собрать вещи.

Сердце Рэйзеби сжалось.

– Она оставила записку?

– Никакой записки, милорд.

Было что-то во взгляде старого дворецкого, от чего Рэйзеби почувствовал себя последним мерзавцем. Помедлив, дворецкий добавил:

– Мисс Свитли сказала, что не вернется.

– А мисс Свитли сказала, куда едет? Может быть, она оставила адрес для пересылки корреспонденции?

В глубине души Рэйзеби знал, что ответ будет отрицательным, но до последнего надеялся, что ошибается.

– Нет, милорд, не оставила.

– Но она должна была назвать адрес кучеру. Спросите у Джона.

– Мисс Свитли уехала в наемном экипаже, а не в вашей карете, милорд.

Рэйзеби прекрасно понимал, что это означает. Элис не хотела, чтобы он искал ее, и, по правде говоря, он не мог ее в этом винить.

Отпустив дворецкого, он поднялся по лестнице в спальню. Все в комнате выглядело как всегда, словно то, что случилось прошлой ночью, было всего лишь дурным сном. Свечи, горевшие на каминной полке, озаряли спальню мягким светом, язычки пламени отражались в зеркале на туалетном столике. В вазе все еще стояли розы, которые Рэйзеби принес неделю назад. В камине горел огонь, согревая комнату, отчего она казалась еще более уютной. В воздухе витал аромат духов Элис, ее присутствие чувствовалось в каждой мелочи.

На туалетном столике все еще стояла шкатулка для драгоценностей, ее содержимое осталось нетронутым.

Рэйзеби подошел к шкафу и открыл дверцы. Не хватало лишь нескольких платьев. Бесчисленное множество ярких нарядов, купленных Рэйзеби у мадам Буассерон, по-прежнему висели на своих вешалках. Внизу аккуратными рядами стояли туфли. Повинуясь какому-то импульсу, он открыл свой шкаф. Все его вещи были на своих местах.

Рэйзеби закрыл шкаф и осмотрел комнату. Все было, как прежде. за исключением. Его взгляд остановился на постели, накрытой покрывалом цвета слоновой кости. В самом центре красовался коричневый футляр. Внутри на кремовом бархате сверкал бриллиантовый браслет.

Рэйзеби стиснул зубы. Ему вдруг стало холодно. Элис ушла. Он не знал куда. Она не взяла ни деньги, ни драгоценности. Не взяла ничего из того, что он купил ей.

– Я приехала, как только прочла твое письмо.

Лучшая подруга и наставница Элис, женщина, которая спасла ей жизнь, вытащив из публичного дома миссис Сильвер, и сделала из нее актрису, – Венеция Фокс, ныне виконтесса Линвуд, отдала свою накидку горничной и последовала за подругой в гостиную ее нового дома на Мерсер-стрит.

– Должно быть, ты бросила все и сразу приехала. Ведь я отправила посыльного с запиской всего полчаса назад.

– Ты – моя подруга, Элис. Что, по-твоему, я должна была сделать?

Венеция была явно встревожена, и Элис почувствовала себя виноватой.

– Прости, Венеция, я не хотела беспокоить тебя. Просто подумала, что надо сообщить тебе о том, что я теперь живу здесь.

– Я рада, что ты написала мне, правда. Я очень беспокоилась за тебя. – Венеция села на диван рядом с Элис и взяла ее руки в свои. – Что случилось?

Элис натянуто улыбнулась:

– Мы расстались. Он сказал, что должен найти себе жену.

– О, Элис, мне так жаль.

– Не расстраивайся. Все равно рано или поздно это должно было случиться. Я – актриса, а он – маркиз. Разве у нас могло быть будущее? – Элис пожала плечами и усмехнулась. – Да и потом, я устала от него. Мне захотелось перемен.

Шутливые слова легко слетели с ее губ, но Венецию они, похоже, не убедили.

– Никто из вас не думал, что с Атоллом может случиться такое. Наверное, именно это заставило Рэйзеби принять такое решение.

– Что ж, Атолл – прекрасный предлог для расставания. – Предлог для Рэйзеби, если уж на то пошло. Элис знала теперь, что так тревожило его все эти недели и месяцы. Как же глупо с ее стороны было переживать за него. – Все равно наш разрыв был делом времени.

– Ты очень быстро съехала с Харт-стрит.

– Как говорится, куй железо, пока горячо. Зачем тянуть? – Элис улыбнулась. – По-моему, я неплохо здесь устроилась. Как тебе мое новое жилище? Я присмотрела его себе некоторое время назад. Тут довольно уютно и от театра недалеко. К тому же плата невысока.

– Очень мило. Но я пришла сюда не затем, чтобы осматривать твою квартиру, Элис, – осторожно сказала Венеция.

– Ты предупреждала меня, говорила, что не стоит становиться его любовницей, помнишь?

Венеция ничего не ответила, но в ее глазах явственно читалось сочувствие.

Элис отвернулась. Это сочувствие злило ее. Ей не нужна жалость, даже от Венеции.

– Ты сказала мне тогда, что лучше зарабатывать деньги тяжелым трудом, чем отдаться во власть мужчины.

– И ты отдалась?

– Разумеется, нет! Я не так глупа. Я делила с ним постель, и только. Как я могла надеяться на что-то большее с моим-то прошлым? – Элис снова улыбнулась, как будто ее скандальное прошлое не имело никакого значения. – Театр – вот мое призвание. Я время от времени там появлялась, поэтому Кембл и согласился взять меня с полной нагрузкой.

– Рада это слышать. – Не очень понятно было, что обрадовало Венецию – то, что Кембл взял Элис в театр с полной нагрузкой, или ее разумный подход к отношениям с Рэйзеби. – Но есть кое-что большее, чем деньги, Элис. – Венеция внимательно посмотрела на подругу. – Я видела, что было между тобой и Рэйзеби. С самого начала.

– Не выдумывай, Венеция. – Элис снисходительно улыбнулась. – Мы с Рэйзеби заключили деловое соглашение, вот и все. Прекрасный секс, развлечения и, конечно, деньги, много денег.

– А мне казалось, что между вами было нечто большее.

– Не забывай, я – актриса, хорошая актриса. Ты хорошо меня выучила.

Элис улыбнулась.

– Да, – согласилась Венеция, – ты – замечательная актриса.

Элис отчего-то смутилась, ее щеки порозовели.

Часы на каминной полке тикали, уверенно отмеряя время.

Элис принялась разливать чай в прелестные чашки тонкого фарфора, которые, как и превосходная мебель, достались ей вместе с апартаментами. Она положила в каждую чашку по кусочку сахара, добавила густые сливки и передала одну чашку Венеции.

– Ты, кажется, уже обо всем позаботилась, Элис.

– Да.

– Если я могу тебе чем-то помочь.

Элис бросила взгляд на небольшой столик, где лежал свиток из кремовой бумаги, перевязанный красной лентой.

– Знаешь, Венеция, ты в самом деле можешь кое-что сделать для меня, и раз уж ты здесь. Кембл дал мне контракт на работу в театре. Я собиралась заехать к тебе, но.

Элис взяла со столика контракт и положила его рядом с кофейником.

– Ты можешь навестить меня в любое время.

Но это была неправда. И они обе знали это.

– Теперь мы принадлежим к разным мирам, Венеция. Ты больше не актриса, ты – виконтесса. Если я нанесу тебе визит, это будет плохо воспринято. Репутация в светском обществе – это все. Общество приняло тебя, все идет хорошо, и я не хочу это испортить.

– Тебе это и не удастся. Ты же само благоразумие.

– Я пытаюсь быть рассудительной, – рассмеялась Элис. – Но только с тобой я могу быть совершенно откровенна.

– Я рада, что ты не падаешь духом, – улыбнулась Венеция.

– С чего бы? Рэйзеби остался в прошлом. Будущее мое определено. И перспективы у меня не такие уж плохие. Я намерена целиком и полностью отдаться театру. Сделать его смыслом своей жизни. Надо как-то приноравливаться к обстоятельствам. – Еще одно нравоучение от ее матери. Одно из тех, что легко произнести, но куда труднее воплотить в жизнь. Но Элис подумала, что справится. Она была настроена очень решительно.

– У тебя все получится, – согласилась Венеция.

Она взяла свиток, лежавший перед ней, развязала ленточку и развернула документ.

В комнате воцарилось молчание, нарушаемое только позвякиванием чашек о блюдца. Венеция читала контракт.

– Все в порядке?

– Кажется, да. У тебя сейчас выгодное положение, Элис. Ты возвращаешься в театр с полной нагрузкой. Ты могла бы заставить Кембла платить тебе больше.

Элис покачала головой:

– Я довольна той суммой, что он предложил мне. Я просто хочу играть. Хочу выйти на сцену.

– Ты уверена, что это именно то, что тебе нужно?

– Совершенно уверена. Хотя, должна признаться, немного нервничаю оттого, что мне предстоит играть столько главных ролей.

– Ты будешь царить на сцене, Элис, поверь мне. Ты станешь известной актрисой, уж я-то знаю.

– Очень на это надеюсь.

Элис закусила губу и зарделась от комплимента.

– Кембл уже сообщил тебе, в каких пьесах ты будешь играть?

– Все расписано до лета. Ничего нового, ничего, чего бы я не играла раньше, слава богу!

Венеция взглянула в глаза подруге:

– Если появится что-то новое. если нужен будет совет, приходи ко мне.

Элис благодарно кивнула:

– Я приду.

Обе женщины смотрели друг на друга, чувствуя, что их связывает нечто большее, чем скрываемая ими тайна. Они во многом были похожи друг на друга.

Элис глубоко вздохнула.

– Ну что ж, подписывай, – сказала она.

Венеция кивнула, отодвинула в сторону поднос с чашками, взяла простое черное перо и обмакнула его в чернила. Очень аккуратно в самом низу контракта она вывела «Элис Свитли» и присыпала подпись песком.

– Вот и все, Элис, дело сделано, – сказала она.

Они обе знали, что подписание контракта – лишь формальность. Обязательство вернуться в театр на полную ставку стало как будто разграничительной линией между будущим Элис и ее прошлым. Подпись на контракте говорила о том, что

одна глава в жизни Элис закончилась и начинается другая. Ей повезло получить такое выгодное предложение, и еще больше она была счастлива оттого, что у нее есть такая подруга, как Венеция. Элис улыбнулась и вздернула подбородок.

– Да, дело сделано, – сказала она. – Спасибо тебе, Венеция.

– Я обязательно приду на твой первый спектакль.

– Да уж, пожалуйста. Я с нетерпением буду ждать тебя.

Элис проводила подругу до двери.

Одна мысль не давала ей покоя, но она не осмеливалась произнести ее вслух. Венеция сейчас уйдет, и тогда будет уже поздно, а Элис должна быть уверена.

Венеция уже переступила порог, когда Элис легко коснулась ее плеча.

– Если Рэйзеби будет спрашивать обо мне, чего, я уверена, не случится, – тихо сказала она, – ты ведь не скажешь ему мой новый адрес?

Венеция обернулась, и Элис пожалела, что произнесла эти слова: в глазах подруги мелькнуло сомнение.

– Я ничего ему не скажу, Элис, – проговорила наконец Венеция и обняла подругу.

Глава 5

В городском доме Рэйзеби на Лестер-сквер, в кабинете, Коллинз отвечал на заданный ему вопрос. – Две горничные, никаких слуг мужского пола.

– Благодарю вас, мистер Коллинз.

Рэйзеби придвинул к собеседнику аккуратную пачку банкнотов, лежавших на письменном столе красного дерева.

Крепкий, жилистый, востроглазый мужчина, не пересчитывая, опустил деньги в карман. Не в первый раз сыщик выполнял небольшие поручения Рэйзеби. Впрочем, это было, по всей вероятности, последнее, мрачно подумал Рэйзеби.

– Все в порядке, лорд Рэйзеби. – Коллинз не стал комментировать информацию, которую только что сообщил Рэйзеби, хотя прекрасно понимал ее значение. Для этого сыщик был слишком умен. Именно поэтому Рэйзеби пользовался его услугами. – До свидания, милорд.

Поклонившись, Коллинз вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Рэйзеби опустился в кресло. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль. Что есть у мужчины? Долг и судьба. И еще честь. Ему не убежать от своей судьбы, как бы он этого ни хотел. Эта мысль буквально преследовала его в последние несколько дней.

Несколько тысяч фунтов – и его обязательства перед Элис будут исчерпаны. Долги должны быть оплачены. Может быть, после этого он перестанет думать о ней и сможет сосредоточиться на том, что должен сделать. Найти подходящую жену. Произвести на свет наследника.

Он перевел взгляд на стол, на клочок бумаги, оставленный Коллинзом. Рэйзеби снова и снова всматривался в написанные на бумаге слова, хотя они уже отпечатались в его памяти. В его жизни нет места сентиментальности и слабости. Дело должно быть доведено до конца. Рэйзеби прекрасно знал это, но все же осторожно сложил листок бумаги и спрятал его в карман жилета. Потом позвонил в колокольчик и велел своему камердинеру приготовить костюм для сегодняшнего бала.

После визита Венеции Элис, как и обещала, погрузилась в театральную жизнь. Не жалея сил, она готовилась к премьере в Королевском театре Ковент-Гарден. Задача, стоявшая перед ней, была грандиозна, а времени оставалось совсем мало. Элис вставала на рассвете, а поздним вечером падала в постель совершенно обессиленная. Запах театра, этот ни с чем не сравнимый аромат сцены, кружил ей голову. Теперь перед ней стояла цель, к которой нужно было стремиться, на которой можно было сосредоточить все свои силы и помыслы.

Каждый новый день был для Элис испытанием на прочность. Она без устали репетировала, заново отрабатывая роли, сыгранные ею годом раньше. Она брала домой сценарии, а на следующее утро возвращала их, делая вид, что прочла. Как будто она умела читать! Впрочем, у нее не было в этом необходимости. Стоило ей один раз услышать роль, как она тут же запоминала ее. У Элис был особенный дар, и она была безмерно счастлива этому.

Все дни напролет она проводила в театре, репетируя с мистером Кемблом и другими актерами и актрисами. Прежде ей казалось, что из-за долгого отсутствия практики она забыла, как вести себя на сцене, и эта мысль приводила ее в ужас. Однако навык лицедейства вернулся к ней так легко и естественно, как будто она только вчера выходила на сцену в главной роли. Она испытывала одновременно и страх, и возбуждение, словно ступала по лезвию ножа. Но эти ощущения помогали ей сосредоточиться. Теперь у нее не было ни одной свободной минуты на мысли о Рэйзеби и сожаления о прошлом.

В один из дней, когда Элис собиралась отправиться на репетицию, горничная протянула ей письмо:

– Это только что принес лакей, мэм.

Элис рассеянно взяла письмо с маленького серебряного подноса. Интересно, подумала она, кто мог написать ей? Только Кембл и Венеция знали ее теперешний адрес, но Кембла она и без того видела в театре каждый день, а Венеции не было необходимости писать Элис письма. Элис повертела бумагу в руке и вдруг поняла, кто прислал ей это письмо. Ей не было нужды открывать его, не нужно было читать, она и так знала имя отправителя.

– Попроси лакея подождать, Мэг, – сказала она горничной.

На оборотной стороне аккуратно сложенного письма красовалась большая печать красного воска с оттиском герба, который был хорошо знаком Элис. Буря эмоций нахлынула на нее и закружила в водовороте. Сердце ее учащенно забилось, она ощутила нарастающий гнев. Элис смотрела на письмо, раздираемая противоречивыми желаниями. С одной стороны, ей хотелось поскорее избавиться от письма, с другой – ей нужно было узнать, что скрывается за этой внушительной печатью. Облизнув пересохшие от волнения губы, она осторожно сломала печать. Развернула письмо. Внутри был чек, подписанный

Рэйзеби, а в чеке – сумма прописью, которую Элис не могла прочесть. Больше в письме ничего не было – только чек и пустой лист бумаги с подписью Рэйзеби. Элис узнала этот уверенный росчерк.

Это было ее выходное пособие, обычное дело между мужчинами и их любовницами. Кругленькая сумма, которая позволяла им продержаться на плаву до тех пор, пока не подвернется очередной состоятельный поклонник. Иногда выплаты бывали столь значительны, что позволяли вести вполне безбедное существование. Но у Элис не было цели найти себе нового покровителя. У нее есть работа, и она сама будет содержать себя. Венеция была права. Элис слишком поздно прислушалась к предостережению подруги.

Женщина посмотрела на чек. Она не могла прочесть указанную там сумму, но знала наверняка: сумма была немалой. Рэйзеби никогда не страдал скупостью. Здравый смысл и практичность говорили Элис, что она вполне может принять этот чек. «Сегодня же отнеси его в банк, – нашептывал ей разум. – Ты должна позаботиться о себе. Сохрани эти деньги. Будущее туманно, а жизнь без средств к существованию тяжела». Кто знал об этом лучше, чем Элис? Но стоило ей взглянуть на чек, на подпись Рэйзеби – и она поняла, что не сможет взять его деньги, не сможет переступить через свою гордость.

Сложив листок бумаги, она нагрела воск и снова запечатала письмо. Элис вручила его лакею, ожидавшему у двери. Это был слуга Рэйзеби, Элис видела его в доме на Лестер-сквер. Лакей тоже узнал ее, но ничего не сказал. Если он и знал о содержании письма, то не подал виду.

– Верните это, пожалуйста, лорду Рэйзеби.

– Конечно, мисс Свитли. Не хотите передать что-нибудь его светлости? – осведомился лакей.

– Все, что я хотела сказать, – в этом письме, больше мне добавить нечего.

Элис улыбнулась.

– Очень хорошо, мисс.

Поклонившись, лакей удалился. Элис задумчиво смотрела ему вслед.

Рэйзеби понадобилось меньше недели, чтобы отыскать ее. Сначала у Элис промелькнула мысль, что это Венеция навела его на след, но нет, подруга никогда не нарушила бы данное слово. Рэйзеби был маркизом, человеком достаточно могущественным, у него были деньги и связи. Очевидно, всем этим он и воспользовался.

Но Рэйзеби может оставить свои деньги себе. Элис была настроена решительно – она не возьмет ни пенса.

Глава 6

Рэйзеби вглядывался в каждую цифру в расходных книгах. Это занятие отвлекало его от нежелательных мыслей. От мыслей о будущем. И от мыслей о прошлом. с Элис.

Он взял перо, чтобы внести итоговую сумму в колонку в самом низу страницы, но обнаружил, что чернильница пуста. Рэйзеби выдвинул верхний ящик своего письменного стола, чтобы достать полную бутылочку чернил, и его взгляд упал на чек, выписанный им Элис.

Он замер, не сводя глаз с чека. Четыре тысячи фунтов – сумма, в два раза превышающая ту, что была указана в их контракте, а Элис отослала чек назад, словно сочла его оскорбительным. Будь на месте Рэйзеби другой мужчина, он решил бы, что со стороны Элис это был ловкий ход, и она рассчитывает таким образом увеличить отступные. Однако Рэйзеби, хорошо зная Элис, понимал, что дело совсем в другом. Отсылая обратно чек, Элис давала понять, что между ними все кончено, и поэтому Рэйзеби чувствовал себя неуютно. Если бы она попросила сумму в три раза больше, чем он предложил, он был бы счастлив и перестал тревожиться о ней.

Он снова вспомнил о дорогих платьях, которые все еще висели в шкафу на Харт-стрит, о шкатулке, полной драгоценностей, о бриллиантовом браслете, оставленном на постели. Его охватило смущение, к которому прибавилось какое-

то гнетущее чувство. В последнее время Рэйзеби все чаще казалось, что он совершил страшную ошибку. Усилием воли он отогнал от себя тревожные мысли. Он сделал все, что мог. Самой судьбой им предназначено было расстаться, он больше не часть жизни Элис, а она ушла из его жизни. Теперь его не должно волновать, где она и что делает. Достав из ящика бутылочку с чернилами, Рэйзеби отвел взгляд от чека и закрыл ящик.

Внеся необходимые записи, он захлопнул книги, и в этот момент дворецкий возвестил о появлении Линвуда.

– Разве мы собирались кататься верхом сегодня утром? – спросил Рэйзеби.

Линвуд покачал головой:

– Нет, не сегодня. Я зашел узнать, будешь ли ты в палате лордов сегодня вечером.

– Да.

– Будут обсуждать циркуляр Уэлсли-Поула.

– Ирландский вопрос.

Рэйзеби вспомнил легкий ирландский акцент Элис, такой мягкий и певучий.

– Я слышал, кое-кто собирается обвинить тебя в предвзятости.

Из-за Элис.

– Разве они не знают, что она больше не моя любовница?

– Я уверен, что они прекрасно осведомлены об этом, но готовы использовать против тебя любое оружие. Страсти разгорелись нешуточные, так что будь готов, Рэйзеби.

– Хорошо, – пробормотал он. – Присаживайся. Хочешь бренди?

– Не рановато ли?

– Тогда кофе?

Линвуд кивнул.

В ожидании кофе они говорили о лошадях и на другие несущественные темы. Дождавшись, пока Линвуд пригубит крепкий ароматный напиток, Рэйзеби задал мучивший его вопрос. Вполне естественно, что он хочет знать. Каждый порядочный мужчина сделал бы то же самое. но, вероятно, не каждый ждал бы ответ с таким нетерпением.

– Ты слышал что-нибудь об Элис? – поинтересовался Рэйзеби, стараясь не встречаться взглядами с другом.

– У нее премьера сегодня в Ковент-Гарден, играет леди Макбет, – сказал Линвуд. – Кембл предрекает грандиозный успех. Все билеты раскуплены. В зале не будет ни одного свободного места.

– Я читал в газетах. – Рэйзеби помолчал. – Венеция виделась с ней?

– Полагаю, да. – Линвуд поднес чашку к губам. – Их связывает крепкая дружба, как нас с тобой.

В комнате воцарилось молчание. Рэйзеби глубоко вздохнул, спрашивая себя, как далеко он может зайти, не возбуждая подозрений у Линвуда.

– Как она?

– Насколько я знаю, у нее все хорошо.

Рэйзеби кивнул и откашлялся. Повисла неловкая пауза.

– Если тебе станет известно что-нибудь.

– Не беспокойся, Рэйзеби, – тихо сказал Линвуд. – Если я что-нибудь узнаю, обязательно сообщу тебе.

– Спасибо, Линвуд.

Рэйзеби вздохнул с облегчением.

В дверь гримерной постучали. Это была та самая гримерная, которую Элис долгие месяцы делила с Венецией. Потом Венеция вышла замуж за Линвуда, а Элис стала любовницей Рэйзеби.

– Пять минут до занавеса, мисс Свитли.

– Благодарю вас.

Сегодняшний день был для Элис особенным: ее премьера, триумфальное возвращение в Королевский театр.

Ее руки были ледяными от волнения, а при мысли о том, что ей придется выйти на сцену и играть перед переполненным залом, она чувствовала, как ее желудок стягивается тугим узлом. Она всегда нервничала перед спектаклем, но раньше, когда Венеция играла главные роли, а Элис – второго плана, было не так страшно. А потом, уже после того, как Венеция покинула театр, когда Элис время от времени выходила на сцену, рядом всегда был Рэйзеби. Одного его присутствия, его улыбки было достаточно, чтобы вселить в нее уверенность. От его прикосновения напряжение покидало Элис и все ее тревоги улетучивались.

Сегодня Рэйзеби в зале не будет, ей придется сражаться в одиночку. Закончив гримироваться, Элис посмотрела в зеркало. Она выглядела сильной, решительной и целеустремленной.

Элис дышала медленно и глубоко. Она сделает это. У нее все получится. Главное – сосредоточиться на роли.

Еще раз глубоко вздохнув, Элис встала, вышла из своей маленькой гримерной и направилась за кулисы.

– Мисс Свитли на сцене через пять, четыре, три, два.

Они считали каждый ее шаг.

– Один.

Она вышла на сцену и увидела огромный переполненный зал.

Ее взгляд невольно скользнул к ложе, которую обычно занимал Рэйзеби.

Ложа пустовала, и Элис была этому рада.

Она перевела глаза на ложу Линвуда. Там, рядом с Линвудом, сидела Венеция. Она пришла, как и обещала.

Элис улыбнулась, и, когда она открыла рот, чтобы начать свою речь, это была уже не Элис, а леди Макбет.

На каминной полке тикали часы. Солнечные лучи заливали кабинет, играя на хрустальных подвесках настенных канделябров, заставляя их искриться и переливаться всеми цветами радуги. Где-то в глубине дома тихо открылась и закрылась дверь.

Рэйзеби ничего этого не заметил. Он стоял, опершись на письменный стол, и внимательно изучал раскрытую газету, вернее, статью о женщине, чье возвращение на сцену произвело настоящий фурор в Ковент-Гарден. Лондон захлебывался от восторга, восхваляя чудесную игру Элис в роли леди Макбет. Рэйзеби вчитывался в каждое слово.

«После разрыва с лордом Р. актерский талант мисс Свитли расцвел с новой силой, открыл новые грани, приобрел глубину и ослепительную яркость. Страстность и реализм ее игры буквально заворожили зрителей, заставляя их кричать от восторга».

Рэйзеби всегда знал, что Элис обладает настоящим талантом и ее истинное предназначение – сцена. Он был искренне рад ее успеху. Но за этой радостью скрывалась боль.

В дверь едва слышно постучали. Дворецкий впустил в кабинет поверенного.

– Мистер Эрнст из компании «Эрнст, Споттисвуд и Фармер», милорд.

Рэйзеби еще раз пробежал глазами статью, закрыл газету и отложил ее в сторону.

– Вы посылали за мной, лорд Рэйзеби. Насколько я понимаю, вы хотите провести ревизию вашего имущества и денежных средств.

Рэйзеби отогнал мысли об Элис и сосредоточился на стоящей перед ним проблеме.

Он занял свое место за столом.

– Прошу вас, садитесь, мистер Эрнст.

Элис снимала грим после своего пятого спектакля, когда в ее комнатку заглянула Сара, тоже актриса и любовница виконта Фаллингема.

– Хоуик просил узнать, присоединишься ли ты к нам завтра. Намечается небольшая прогулка в Гайд-парке. Я уже поговорила с Кемблом, он и сам не против. Буду я, пара других актрис, Хоуик, Монтейт, Фрю и, конечно, Фаллингем. Не очень-то он мне доверяет.

Сара хихикнула.

Элис подумала о своем контракте с театром. По условиям этого контракта она должна была время от времени бывать в обществе джентльменов из высшей аристократии. Теперь, когда Элис вернулась в театр, у нее не было повода избегать таких встреч.

– Не беспокойся, Элис. Рэйзеби там не будет. Я специально уточнила.

Элис похолодела.

– Уточнила? – мягко спросила она.

– Ну, я подумала, что в ближайшее время тебе вряд ли захочется встречаться с ним.

Это была правда, но Элис понимала, что не может оставить слова Сары без ответа.

– Почему же?

– Потому что прошло всего несколько недель с того дня, как вы…

Сара смущенно отвела взгляд.

– Мы расстались совершенно официально, разорвали наш контракт. – Элис улыбнулась. – У меня нет к нему никаких претензий.

Элис знала: что бы она ни сказала Саре, завтра об этом узнает весь театр.

– Я думала, что вы. ты и он… одним словом, я думала, что ты была влюблена в него.

Элис содрогнулась от страха. Неужели они все так думают? Она заставила себя улыбнуться.

– Не говори глупостей. Это была всего лишь сделка, и ничего больше.

– Но вы так смотрели друг на друга. Если бы Фаллингем смотрел на меня так.

Сара помахала рукой перед лицом, словно одна эта мысль бросала ее в жар.

– Нам было хорошо вместе, это правда. – Элис с притворным равнодушием пожала плечами, словно в ее отношениях с Рэйзеби не было ничего особенного. – Но это не могло длиться вечно.

Какая горькая ирония. то же самое сказал ей Рэйзеби тогда, в спальне.

– Так вы расстались мирно? – с любопытством спросила Сара.

Она явно была удивлена. Интересно, подумала Элис, какие слухи ходят о ее разрыве с Рэйзеби? Пожалуй, стоит дать сплетникам некоторую пищу для размышлений.

– Мне жаль всех разочаровывать, но мы действительно расстались по обоюдному согласию.

– Мы думали, ты переживаешь. Ты совсем перестала выходить в город.

– Я была занята. Еще и недели не прошло со дня моей премьеры! Но я исправлюсь, честное слово.

– Надеюсь, – кивнула Сара.

– И поверь мне, я совсем не переживаю. – Элис улыбнулась.

Судя по всему, Сара поверила ей.

– Так ты едешь завтра?

– Жду с нетерпением.

Дверь за Сарой тихо закрылась.

Элис глубоко вздохнула. Вот и все, теперь ей придется бывать в обществе. Искать уединения – все равно что публично признать, что она страдает, что одна мысль о возможной встрече с Рэйзеби пугает ее. На самом деле все не так, и Лондон скоро это увидит.

Элис пыталась наладить свою жизнь. Если уж Рэйзеби суждено встретиться на ее пути, так тому и быть.

Для нее это не будет иметь никакого значения. Она вычеркнула Рэйзеби из своей жизни.

Свежий весенний воздух в Гайд-парке кружил голову. Мисс Причард шла под руку с Рэйзеби, и больше всего ее волновали взгляды окружающих. За ними медленно двигалась миссис Причард со своей младшей дочерью. Они обсуждали достоинства хорошего воспитания и достойную во всех отношениях родословную Причардов.

Причарды принадлежали к высшему обществу, обладали внушительным состоянием и хорошими связями. Подходящая партия для Рэйзеби. Интересно, подумал он, надолго ли его хватит. Миссис Причард говорила не переставая. Как и мисс Причард. Казалось бы, все, что ему нужно сделать, – взять ее в жены и лечь с ней в постель. Это довольно просто, особенно для такого мужчины, как он. Женщин в его жизни было предостаточно. Только вот перспектива жениться на мисс Причард не внушала ему оптимизма. Напротив, при мысли об этом Рэйзеби внутренне содрогался.

Он смотрел прямо перед собой, стараясь не обращать внимания на щебетание своей спутницы.

В последний раз он был в Гайд-парке с Элис. Она не пожелала воспользоваться его каретой и предложила прогуляться по парку. Ей было все равно, увидит ее кто-нибудь в обществе Рэйзеби или нет. Элис волновало совсем другое – лучи солнца, свежесть воздуха, пение птиц, раскрывающиеся почки на ветках деревьев. Она наслаждалась природой, как наслаждалась произведениями искусства. Он взял ее за руку, и она светло улыбнулась, не обращая внимания на окружающих.

Эти воспоминания заставили его сердце сжаться от боли.

В это мгновение Рэйзеби почувствовал, что мисс Причард крепче вцепилась в его руку. Она по-прежнему говорила что-то, но теперь в ее голосе он отчетливо слышал раздражение. Лицо мисс Причард стало еще более надменным, чем

прежде, и на нем явственно читалась неприязнь.

И тут он понял, чем была вызвана перемена в настроении его спутницы. Навстречу им неторопливо двигалась группа мужчин и женщин. Казалось бы, ничего особенного – в этот час Гайд-парк был переполнен праздно прогуливающимися лондонцами. Однако это были не просто мужчины и женщины. Мужчины принадлежали к самому высшему обществу, а из женщин Рэйзеби заметил лишь одну. Она шла чуть в стороне от остальных. Залитая солнечным светом, она казалась воплощением самой жизни и словно лучилась от счастья. До Рэйзеби доносились шутки, которыми обменивались мужчины и женщины этой компании, и их веселый смех.

Элис была в простом бледно-желтом платье, кремовой накидке и перчатках. Она шла, опираясь на руку Хоуика, и, казалось, внимательно слушала то, что говорил ей герцог. На ее голове красовалась модная шляпка, которую Рэйзеби прежде на Элис не видел.

Из-под шляпки выбивались золотистые локоны, уложенные в нарочито небрежную прическу. От Элис веяло свежестью и чистотой. Сколько раз Рэйзеби наблюдал, как она расчесывает свои волосы и закалывает их шпильками. Сколько раз он распускал ее волосы, погружая пальцы в шелковистые локоны.

Элис, по всей видимости, пребывала в прекрасном настроении, выглядела спокойной и уверенной в себе. Она шла опустив глаза, но на губах ее играла улыбка. При виде Элис Рэйзеби охватили чувства, которые он так старательно подавлял в себе. Только не теперь, когда между ними все кончено и он твердо решил следовать своему долгу. Его сердце учащенно забилось, кровь застучала в висках.

Ситуация была щекотливая.

Рядом была мисс Причард, за ними шли ее мать и сестра. Рэйзеби вдруг понял, что ему придется сделать. То, что сделал бы любой джентльмен в его положении. И мысль об этом на мгновение повергла его в отчаяние.

Элис была его любовницей. Женщина, идущая рядом, может стать его женой.

Долг. Это слово оглушительным колокольным звоном отдавалось в его ушах.

Долг.

Долг.

Долг.

У него нет выбора.

Он отвел взгляд от Элис. Сделал вид, что не замечает ее, как того требуют неписаные правила светского общества. Как будто она была незнакомой женщиной, а не той, с которой он ночи напролет занимался любовью на протяжении шести месяцев.

Но краем глаза он видел Элис – размытый контур ее фигуры в желтом и кремовом, золото ее волос, а рядом неясные очертания Хоуика. Рэйзеби слышал шелест ее шелковых юбок, ее слова с мягким ирландским акцентом, чувствовал слабый аромат ее духов.

Его сердце забилось еще чаще.

Он чувствовал ее, и это ощущение было таким ярким, как будто он смотрел на нее не отрывая глаз.

Он считал каждый шаг, что приближал его к ней, зная, что они должны пройти мимо друг друга и что это неизбежно. Ни один из них не мог свернуть с дороги.

Он знал, что внимание Элис сосредоточено на Хоуике. Она вела себя так, будто даже не заметила Рэйзеби. Словно она вычеркнула его из своей жизни так же, как он вычеркнул ее. Он должен был бы радоваться этому. Должен был бы. Однако Рэйзеби почему-то не испытывал ни радости, ни облегчения.

Элис приближалась с каждым шагом.

Пять футов. Теперь она была так близко, что Рэйзеби слышал ее мягкий смех.

Четыре фута. Время словно остановилось. Его внимание было приковано к ней. Шелест ее юбок, мягкий взмах ресниц.

Три фута. Он слышит ее дыхание. Элис.

Два фута. Биение его сердца. и ее сердца. Элис.

Один фут. Рэйзеби взглянул на Элис. В это мгновение она подняла глаза и посмотрела на него.

Кровь ударила ему в голову. Рэйзеби показалось вдруг, что, кроме них с Элис, в парке больше никого нет. Все, что было между ними в минувшие шесть месяцев, живо и ярко встало в его памяти. Он погрузился в омут ее синих глаз, и все остальное утратило смысл.

Их взгляды встретились и замерли. Он не мог бы отвести глаз, даже если бы от этого зависело все его будущее. В каком-то смысле так и было.

А потом настоящее стало прошлым.

Элис прошла мимо.

Она уходила прочь с Хоуиком и остальными. Уходила от него.

Рэйзеби не запнулся, не остановился. Он шел вперед, как будто ничего не произошло.

Никто ничего не заметил. Все было как прежде. Пальцы мисс Причард все так же лежали на его руке. Миссис Причард все так же цветисто излагала генеалогию своей семьи, а ее младшая дочь время от времени вставляла слово-другое.

Но Рэйзеби уже не был прежним.

Произошло что-то, чего он не в силах был понять.

Элис не слышала, что говорил ей Хоуик. Кровь стучала в висках, заглушая его слова. Она опустила глаза, словно речи Хоуика ее смущали, а в действительности стараясь скрыть охватившую ее бурю эмоций.

Элис заметила Рэйзеби и его спутниц сразу, как только они вышли из-за поворота: на его руку опиралась красивая молодая женщина, следом гордо выступала дама постарше – видимо, ее мать, и девушка помоложе – должно быть, младшая дочь дамы. У Элис было время приготовиться к встрече. Она прекрасно понимала, что у Рэйзеби нет выбора – он должен сделать вид, что незнаком с ней. У нее тоже не было выбора, она должна была притвориться, что он ей безразличен.

И ей это почти удалось. У нее отчаянно колотилось сердце, а в легких как будто кончился воздух, и стало нечем дышать. Подул весенний ветерок, а Элис показалось, что она слышит голос Рэйзеби, шепчущий ее имя, зовущий ее. Ее тело затрепетало, инстинктивно откликнулось на этот зов.

Она подняла глаза и увидела устремленный на нее взгляд. Рэйзеби смотрел на нее так, будто они не расставались и всему, что было между ними, не пришел конец.

Хоуик склонился к Элис.

– Так вы придете, мисс Свитли? – спросил он с улыбкой.

Элис вздрогнула. Сделав над собой усилие, она постаралась скрыть волнение, охватившее ее при встрече с Рэйзеби. Через мгновение она подняла взгляд на Хоуика, и в ее глазах читалось лишь вежливое любопытство.

Она улыбнулась, не имея ни малейшего понятия, куда он только что пригласил ее.

– Если я не буду занята, – ответила она. – Мне нужно заглянуть в свою записную книжку.

Вот он, истинный профессионализм. Венеция, наставница Элис, гордилась бы своей ученицей.

Хоуик улыбнулся в ответ, и в его глазах Элис прочла совершенно определенный интерес. Весеннее солнце пригревало, но ей отчего-то стало холодно. Она поспешила догнать остальных спутников.

Компания медленно шла по парку.

Хоуик начал рассказывать какую-то очередную историю, но Элис не слушала его. Ее мысли вновь и вновь возвращались к Рэйзеби. «Почему он имеет надо мной такую власть?» – спрашивала она себя. Несколько мгновений назад, встретившись с ним взглядом, Элис почувствовала то же, что и в день их первой встречи.

Глава 7

В ту ночь Рэйзеби снилось, что рядом с ним в постели лежит Элис, что они все еще вместе и ничего не изменилось.

– Рэйзеби, – шепнула она и легко провела пальцами по его щеке. – Рэйзеби.

Элис. Во сне он шептал ее имя.

– Элис, – пробормотал он, прижимая ее к себе и чувствуя безграничное счастье оттого, что она нашла его, что пришла спасти его от чего-то ужасного. Во сне Рэйзеби, как ни старался, не мог вспомнить, в чем заключалась угроза.

Ранним утром луч солнца коснулся Рэйзеби, пробуждая его ото сна и возвращая из мира снов в реальность. Все тело его было напряжено, оно просило любви, но Элис рядом не было.

Он был один.

И теперь он знал, что за тьма сгущается вокруг него.

Чудесный сон растаял, на смену ему пришла суровая реальность. Возбуждение прошло.

Солнечный луч, пробравшийся через щель в пологе, исчез – солнце скрыла пухлая серая туча. Рэйзеби отдернул полог и сел, свесив ноги с кровати и ощущая обнаженной кожей свежий утренний воздух. Он несколько раз глубоко вздохнул, стараясь отогнать мысли об Элис и забыть о своем сне, сладком, но с привкусом горечи.

Когда часы пробили девять, в дверь постучал камердинер. Он вошел в комнату в сопровождении горничной, несшей кувшин с горячей водой, и секретаря Рэйзеби. Секретарь сжимал в руках записную книжку, в которую он неукоснительно заносил все мероприятия, требующие присутствия хозяина. Тяжело вздохнув, Рэйзеби помотал головой, избавляясь от остатков сна так же решительно, как он изгнал из своего сознания воспоминания о том, что случилось вчера в Гайд-парке. Вина, вожделение, желание – что бы это ни было.

О мисс Причард не может быть и речи, подумал он. Но сегодня у миссис Пэдстоу обед, на котором будут присутствовать по меньшей мере двадцать в высшей степени респектабельных девиц. А завтра вечером – пикник для дебютанток, организованный леди Джерси. Потом танцы у Элмака и бал у леди Рутледж, устраиваемый специально для тех, кто ищет пару. На одном из этих мероприятий он наверняка найдет себе подходящую жену.

Рэйзеби провел рукой по волосам, сделал глубокий вдох и встал с постели, чтобы встретить новый день.

В тот вечер Элис ушла со сцены под оглушительную овацию. Три раза она выходила на поклон, но публика не унималась. Зрители свистели и кричали, требуя ее на сцену. Гримерная была так заполнена цветами, что едва удалось найти место для костюмов и столика с гримом и зеркалом. Аромат наполнял маленькую комнатку: розы, лилии и еще какие-то неизвестные Элис цветы. В каждом букете – визитная карточка поклонника, а то и письмо. Письма скреплены печатями красного воска с оттисками гербов или монограмм. Элис пробежала взглядом по печатям, ища одну, особенную. Она ничего не могла с собой поделать. После вчерашней встречи в Гайд-парке она не могла перестать думать о Рэйзеби. И почему ей так трудно выбросить его из головы… Снова

поймав себя на мысли о нем, Элис сердито покачала головой, села за столик и принялась снимать грим. Потом она скользнула в кофейно-коричневое вечернее платье из великолепного шелка, висевшее на ширме.

В дверь гримерной постучали.

– Через пять минут в артистическое фойе, мисс Свитли, – раздался голос из-за двери. – Мистер Кембл просил передать, что герцог Хоуик и герцог Монтейт сегодня снова здесь.

– Спасибо, Билли. Я сейчас приду.

Элис придирчиво осмотрела себя в зеркало. Без яркого грима ее лицо казалось бледным. Мысли ее снова обратились к встрече с Рэйзеби в Гайд-парке.

– Не будь дурочкой, Элис Флэнниган, не воображай бог весть что, – прошептала она своему отражению. Элис Флэнниган – так ее звали когда-то, с этим именем она появилась на свет. Потом, придя в театр, она взяла себе сценический псевдоним. – Давай, девочка, нацепи улыбку на лицо и ступай. Жизнь продолжается… если повезет. И да, он того не стоит.

Элис слегка потерла щеки, чтобы вернуть румянец, коснулась помадой губ и поправила выбившийся из прически локон.

Сделав глубокий вдох, она подняла голову, улыбнулась и отправилась блистать и очаровывать джентльменов, как того требовал ее контракт.

– Рэйзеби! – воскликнул виконт Буллфорд, подходя к Рэйзеби, лениво ковырявшему в тарелке на пикнике для дебютанток. – Какое преступление совершила тетушка Харриет, чтобы затащить тебя сюда?

– Буллфорд, – кивнул Рэйзеби.

Погода стояла солнечная и сухая, но ветерок был по-весеннему свеж. Деревья, окружавшие эту часть парка, до некоторой степени защищали собравшихся от ветра, но он то и дело заставлял трепетать ленточки на шляпах и развевал

муслиновые юбки дам, расхаживавших по поляне.

С подноса на одном из столиков Буллфорд подцепил маленький пирожок с мясом и отправил его в рот.

– Мне тоже не удалось отвертеться. Папаша следит за мной, как орел. Пытался заставить меня еще и друзей сюда привести. Здесь явно слишком много дам и не хватает джентльменов.

– И как, тебе удалось кого-нибудь уговорить? – поинтересовался Рэйзеби.

– Нелегкая это задача, старик, скажу я тебе. – Буллфорд тяжело вздохнул, вспоминая все трудности, которые ему пришлось преодолеть. – Пришлось наобещать с три короба. Кое-кто согласился оказать мне услугу. Пройдут годы, прежде чем я смогу рассчитаться с долгами.

Рэйзеби улыбнулся.

Подошли Фаллингем, Девлин, Монтейт и несколько других джентльменов. Каждый из них держал в одной руке бокал шампанского, а в другой – большую тарелку с едой.

– Как продвигаются поиски невесты, Рэйзеби? – осведомился Девлин.

– Неплохо.

Рэйзеби почувствовал себя неуютно.

– Присмотрел кого-нибудь? – спросил Фаллингем.

– Пока нет, – ответил Рэйзеби, стараясь казаться равнодушным.

– Ты в последнее время сам на себя не похож, Рэйзеби, – заметил Монтейт.

Рэйзеби улыбнулся. Какая ирония… кто на его месте был бы похож на себя?

– Не представляю, с чего бы это, – весело отшутился он.

– Видимо, в свете перспективы потерять свободу. Свадьба, жена, детишки… – Девлин содрогнулся.

Остальные разразились смехом.

– Ты ведь не жалеешь, что расстался с прелестной мисс Свитли? – поинтересовался Монтейт, подливая себе и другим шампанского.

Ничего не значащие для Монтейта слова, брошенные вскользь, заставили сердце Рэйзеби болезненно сжаться. Он сделал над собой усилие, чтобы не выдать свои истинные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/makfi_margaret/lyubovnica-markiza

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити